

ПРОБЪДОМЪ ЧРЕЗЪ БЕРЛИНЪ.

Лѣтъ пять тому назадъ, проживая почти два года за границею, я помѣстилъ нѣсколько статей въ „Военномъ Сборникѣ“, гдѣ, въ формѣ бѣглыхъ замѣтокъ, изложилъ впечатлѣнія, произведенныя на меня войсками, военными сословіями и военными учрежденіями Пруссіи и Франціи.

Прошлую осенью мнѣ вновь пришлось быть въ Берлинѣ, на обратномъ пути съ парижской всемірной выставки, ровно черезъ годъ послѣ торжественнаго вступленія въ него прусскихъ войскъ по окончаніи войны 1866 г. Любовь къ прежнему ремеслу моему заставила меня воспользоваться случаемъ и прочесть, хотя бѣгло, кое-что изъ написаннаго въ послѣднее время о прусской арміи и о подвигахъ ея въ прошломъ году. Впечатлѣнія, полученныя теперь, при много-измѣнившихся въ Пруссіи обстоятельствахъ, хотя и весьма поверхностныя, такъ какъ я пробылъ въ Берлинѣ не болѣе шести дней, сообщаю читателямъ „Военнаго Сборника“, прося ихъ быть снисходительными къ случайнымъ замѣткамъ.

Изъ разговоровъ со многими прусаками, я убѣдился, что въ каждомъ изъ нихъ, а тѣмъ болѣе въ принимавшихъ участіе въ богемской (иначе называемой семидневной) войнѣ 1866 г., произошла нравственная перемѣна въ понятіяхъ, какъ лично о самомъ себѣ, такъ и о націи, и о войскѣ, къ которому принадлежать. Это совершенно естественно. Не стану повторять фразъ, которыя можно найти во всѣхъ прошлогоднихъ, спеціальныхъ и неспеціальныхъ, изданіяхъ о неожиданности громадныхъ успѣховъ Пруссіи.

„Умѣйшіе люди иногда ошибаются въ оцѣнѣ извѣстныхъ

фактовъ“—говоритъ авторъ брошюры „Jena oder Waterloo“? о которой я упомяну ниже подробнѣе: — „такъ и императоръ Наполеонъ III ошибся въ оцѣнкѣ прусской арміи предъ войною 1866 года.“

Мнѣ кажется, самимъ прусакамъ не снилось, что, черезъ мѣсяць послѣ начала кампаніи, они будутъ стоять передъ Вѣною и предпшутъ Австріи постыдный миръ. Говоривъ прошлаго осенью прусскимъ офицерамъ, что симпатіи Россіи, а особенно военнаго сословія ея, были, въ послѣднюю войну, вполнѣ на сторонѣ прусаковъ противъ Австріи, я полагаю, не сказалъ ничего преувеличеннаго. Не будемъ разбирать причинъ этой симпатіи; ограничимся однимъ засвидѣтельствомъ факта.

Величіе прусскаго народа и превосходное устройство его военныхъ силъ доказаны послѣднею войною. Каюсь, что, увлекшись грубыми замашками, принятыми въ прусскомъ войскѣ, я, въ 1861 году, недостаточно оцѣнилъ и недостаточно указалъ на самую организацію арміи, этой прекрасной школы всего народа, гдѣ, хотя и въ суровой формѣ, развиваются истинно разумныя понятія о чести, порядкѣ и дисциплинѣ—три фактора, безъ которыхъ армія можетъ идти только назадъ, но не впередъ. А каковы успѣхи Пруссіи, за послѣднія 50 лѣтъ, не только въ военномъ дѣлѣ, но и въ отношеніи нравственнаго и экономическаго развитія?...

Нельзя однако сказать, чтобы приготовленія къ послѣдней войнѣ имѣли много сторонниковъ и симпатій въ самой Пруссіи. Пока дѣло шло еще о томъ: быть или не быть войнѣ, пресса много кричала противъ войны; торговое сословіе противилось потому, что предвидѣло убытки и разореніе; огромная масса обязанныхъ службою въ резервѣ и въ ландверѣ не желала войны потому, что не хотѣла служить. Сатирическій листокъ „Kladderadatsch“ и „Volks-Zeitung“, хотя оба не имѣющіе ни прямого, ни косвеннаго вліянія на дѣйствія правительства, но много вліяющіе на общественное мнѣніе среднихъ классовъ, которые образуютъ главную силу государства, предсказывали Пруссіи гибель и проклинали виновника всѣхъ воображаемыхъ бѣдствій, графа Бисмарка.

Но вотъ графъ Бисмаркъ неожиданно даетъ войнѣ направленіе чисто-національное, ставя цѣлію объединеніе Германіи. Это слабая струна каждаго вѣнца, и первый министръ короля

Вильгельма думать удачно затронуть ее. Въ вчерашніе враги Бисмарка становятся его друзьями, благороднѣйшія патристическія чувства возбуждаются, безъ всякихъ искусственныхъ средствъ со стороны правительства.... Послѣдствія этого оживленія извѣстны: они залиты потоками крови и ознаменованы сотнями орудій, ветеранскихъ австрійцами въ Бельгій „Kladderadatsch“, везадогѣ передъ тѣмъ описывавшій въ жемчужно-юмористическомъ стилѣ, какъ армія Бенедекъ вступитъ въ Берлинъ, какъ чехи и кроаты разграбятъ городъ, сомнѣвавшій даже берлинцамъ приготовить скорѣе всѣ цѣнныя вещи, особенно серебряныя ложки, легко уносимыя, поспѣшили успокоить ихъ, говоря, въ данной пѣснѣ, теперь весьма популярной:

„Holt nur die Löffel wieder her,
Benedek der kommt nicht mehr.“ (*)

Война кончилась; результаты ея огромныя; но она произвела внутреннихъ потрясеній и переворотовъ ни въ государствѣ, которое возвеличила, ни въ арміи, которая дѣйствовала. Правительство не предпринимаетъ никакихъ существенныхъ переизмѣнъ въ организаціи и обмундированіи своихъ войскъ (объ оружій, которому приписывали весь успѣхъ войны, и говорить нечего): оно только увеличило армію сообразно вновь прибрѣтеннымъ территориямъ. Въ прусскомъ народѣ и въ прусской арміи не происходитъ никакой внутренней, разрушающей старыя порядки, работы, подобно тому, какъ это было у насъ послѣ войны 1853—1856 годовъ. Намъ противъ, прусаки стали консерваторами, находятъ свои порядки неограниченными и гордятся ими. Война-прусака 1867 г. отличается отъ войны 1865 г. только тѣмъ, что сталъ самоуваженіе и отпущеніе себѣ бороду, если находятъ это удобнымъ; большое и красивое обдѣгчаніе для солдата—примѣръ достойный подражанія...

Не прошедъ нѣкотораго времени въ Пруссіи, не выслушавъ во внутреннюю жизнь народа, очень трудно составить себѣ правильное понятіе о томъ влияніи, которое имѣетъ на народъ и на его дѣятельность обязательная для всѣхъ военная повинность. Если, съ одной стороны, справедливо, что королевскую дѣятельную службу всѣ несутъ *очень охотно*, съ гордостью,

(*) „Доставайте опять ложки,
Бенедекъ уже не придетъ“

что такая служба неразлучна съ громаднѣйшею моральною пользою для государства, то съ другой нельзя отвергать, что на созваніе резервовъ и ландвера, даже самое кратковременное, здѣсь смотрятъ *очень косо*. Въ дѣйствующей арміи служить одна холостая молодежь. На службу смотрятъ въ Пруссіи всѣ, начиная съ богатаго, хорошо-образованнаго человѣка, служащаго только одинъ годъ, но на свой счетъ (Freiwillige), до мастераго и рабочаго, прослуживающаго свои обязательныя три года, какъ на честь, какъ на необходимость для окончательнаго образованія и развитія человѣка, безъ котораго какъ-будто чего-то недостаетъ. Но, оставивъ ряды арміи, всякій обязывается семействомъ, мастерствомъ, прискиваетъ себѣ должность и проч. Бросить все это, особенно если человѣкъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, не легко, не говоря о значительныхъ денежныхъ убыткахъ, съ которыми сопряжена перемѣна образа жизни, или при безызнѣстности чѣмъ будетъ существовать семейство.

Еще труднѣе вѣрно представить себѣ тѣ отношенія между людьми, которыя порождаются обязательно для всѣхъ службою въ резервѣ. Въ № 26 извѣстнаго журнала „Gartenlaube“, за 1866 г., расходящагося въ количествѣ чуть не 70,000 экземпляровъ, помѣщенъ разсказъ, относившійся къ сбору резервовъ передъ богемскою войною. Онъ такъ характеристиченъ во многихъ отношеніяхъ, что я привожу его въ извлеченіи.

За границею вообще, а въ Германіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо, отношенія между купцомъ, фабрикантомъ, землевладѣльцемъ, мастеромъ, содерждающимъ какое-нибудь заведеніе, и людьми, которыхъ каждый изъ нихъ долженъ наняжать для веденія своего промысла, т. е. прикащиками, рабочими, управляющими, подмастерьями и проч., всегда холодныя и натянутыя, хотя не грубыя. Это происходитъ не оттого, чтобы жалочный класъ гнушался рабочимъ, чтобы капиталъ пренебрегалъ трудомъ, а вслѣдствіе того, чтобы избѣгнуть многихъ столкновеній и непріятностей, неизбежныхъ если подчиненный находится въ болѣе близкихъ, фамильярныхъ отношеніяхъ съ начальникомъ. Военный мундиръ, надѣваемый при призваніи резервовъ, не только уравниваетъ все, но часто даже переворачиваетъ сверху внизъ общественную лѣстницу и порождаетъ ею отношенія.

Разсказъ, о которомъ я упомянулъ, начинается тѣмъ, что,

въ одинъ прекрасный день, зажиточный купецъ, торгующій колоніальными и съѣстными товарами, въ небольшомъ городкѣ около Дюссельдорфа (Рейнская провинція), получаетъ, одновременно съ прикащикомъ своей лавки и дворникомъ, служащимъ при его домѣ, приказаніе явиться такого-то числа въ Дюссельдорфъ по случаю сбора резервовъ на дѣйствительную службу. Оказывается, что въ резервахъ дворникъ, здоровый и расторопный малый, числится унтеръ-офицеромъ, а хозяинъ и прикащикъ рядовыми.

Съ перваго же шага на служебномъ поприщѣ рожи рѣзко переиживаются: дворникъ, вчера безпрекословно исполнявшій приказанія купца и прикащика, сегодня принимаетъ относительно ихъ, хотя не изъ желанія оскорбить, а весьма добродушно подшучивая—благо позволено—товъ, находящійся въ большой модѣ между всеми прусскими начальниками, большими и малыми, отъ генерала до унтеръ-офицера. Онъ относится къ нимъ въ третьемъ лицѣ и притомъ довольно рѣзко; говоритъ, напримѣръ, указывая на прикащика, своего вчерашняго прямого начальника и обращаясь къ своей командѣ, собравшейся уже на станціи желѣзной дороги для отправления въ Дюссельдорфъ:

„Смотрите на эту селедочную душу.... Пстой-ка братья! она думаетъ удрать отъ службы подъ предлогомъ болѣзни, неспособности! Не удастся, любезнѣйшія: военными законами не шутятъ.“

Правда, все это сказано добродушно, фамильярно, шутя, но за такую шутку онъ вчера былъ бы немедленно прогнанъ купцомъ, а сегодня самъ купецъ умильно улыбается остроумъ своего унтеръ-офицера и весьма доволенъ, что онъ обращены на бывшаго его прикащика, теперь товарища-солдата, а не на него самого.

Команда собралась, но никто не знаетъ, кто числится офицеромъ резервовъ (Officier der Reserve или Landwehr), которыхъ давно уже не собирали, кашется съ 1859 года, когда пруссаки думали было выручать австрійцевъ отъ итальянцевъ и французовъ. А теперь, черезъ семь только лѣтъ, смотришь—видно ужъ такая линія подошла, какъ говорятъ солдаты—пруссакъ въ величайшей дружбѣ съ итальянцами и вмѣстѣ бьются австрійцевъ. Итакъ, всѣ спрашиваютъ другъ друга объ офицерѣ, пока не указываютъ на одну личность.

— „Чортъ водами!“ кричитъ прикащикъ: „да вѣдь это перешлетчикъ, который ставитъ въ нашу лапку бумажные мѣшечки для развѣски кофе, изюма и проч. Тамъ это нашъ офицеръ?“

— „Онъ давно сдѣлъ офицерскій апазменъ и числится офицеромъ съ 1859 года“, замѣтилъ купецъ.

Такимъ образомъ вчерашній перешлетчикъ сталъ сегодня офицеромъ, дворникъ — унтеръ-офицеромъ, купецъ и прикащикъ — рядовыми.

Но на офицера, который признается начальникомъ только на оборномъ пунктѣ, мало обращаютъ вниманія. Всѣ группируются около унтеръ-офицера. Онъ угощаетъ водкой, предложенной однимъ изъ товарищей, потомъ становится на стулъ и произноситъ такую рѣчь:

„Ребята! мы созданы подъ знамена постоянной арміи. Зачѣмъ? Этого, полагаю, никто не знаетъ, но, въ сущности, это и все равно... Насъ созвали — мы повинемся призыву короля, какъ храбрые солдаты, а не какъ старыя бабы, которымъ, подобно бывшей германской союзной арміи, все равно когда они достигнутъ своихъ квартиръ. Итакъ, смотрѣть молодцами, головы вверхъ, грудь впередъ!... Я прошу, чтобы вы явились передъ начальникомъ въ порядкѣ и вступили на оборный пунктъ сомкнутыми рядами. Если вы теперь не привыкните къ дисциплинѣ, что же будетъ послѣ?“

Толпа, уже немного подгулявшая, кричитъ „ура!“ въ отвѣтъ на эту импровизацію. Рѣчи вообще, а импровизованныя въ особенности, весьма уважаются въ Пруссіи. Вскорѣ всѣхъ сажаютъ въ вагоны и везутъ на сборный пунктъ, въ Дюссельдорфъ, куда контингентъ, созданный изъ города, вступаетъ коммиссически подъ предводительствомъ своего унтеръ-офицера, который сидитъ верхомъ на одномъ изъ товарищей, замѣняющимъ лошадей. Пока команда не явилась на сборный пунктъ и не поступила въ распоряженіе офицеровъ, всѣ шутки возможны. Но вотъ городская площадь! Это сборный пунктъ для баталіона. Здѣсь собралось уже нѣсколько сотъ человѣкъ изъ всѣхъ окрестностей. Среди площади важно стоитъ командиръ баталіона, разговаривая съ офицерами.

— „Имѣю честь явиться“, рапортуетъ ему вчерашній дворникъ, разумеется уже пѣшкомъ и на вытѣжку: „одинъ унтеръ-офицеръ и 26 рядовыхъ.“

„Вы унтеръ-офицеръ?“ спрашиваетъ майоръ.

— Точно такъ: унтеръ-офицеръ Яковъ Шульцъ.

— „Вы привели сюда людей?“

— Точно такъ.

— „Ну, и все въ порядкѣ?“

— Все въ порядкѣ, господинъ майоръ. Впрочемъ, между людьми есть нѣсколько человекъ, которые не могутъ еще за-быть кладовыя своихъ маменекъ.

„Вы женаты?“ спрашиваетъ улыбаясь майоръ, которому понравился Яковъ Шульцъ.

— Не женатъ, г. майоръ, но былъ дворяниномъ.

— „Въ такомъ случаѣ призывъ на службу васъ, вѣроятно, не особенно огорчилъ?“

— Меня нисколько, но тѣмъ сильнѣе онъ огорчилъ моего хозяина и его прикащика, которые оба служатъ рядовыми въ моемъ капральствѣ и теперь поморно должны переносить такую крутую перемѣну судьбы.

Люди собрались въ теченіе какого-нибудь часа, баталіонъ сформированъ и построенъ. Майоръ предлагаетъ всѣмъ, считающимъ себя неспособными къ несенію службы, выступить впередъ. Купецъ и прикащикъ выходятъ вмѣстѣ съ другими; ихъ уводятъ въ казарму, гдѣ будетъ производиться медицинскій осмотръ.

Осмотръ тотчасъ начинается; доходитъ очередь до прикащика, на котораго врачъ долго смотритъ испытующимъ взглядомъ:

„Гдѣ болитъ?“ спрашиваетъ онъ лаконически.

— „Въ груди“, отвѣчаетъ прикащикъ тихимъ, тремущимъ голосомъ.

„Гм!... Между ста человекъ, являющимися неспособными, девяносто девять обыкновенно страдаетъ чахоткой“, говоритъ врачъ, нюхая табакъ. „У васъ тоже вѣроятно чахотка?“

— Кажется, что у меня была уже разъ чахотка, нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

„Въ самомъ дѣлѣ? Ну, если вы тогда выгечили, такъ можно будетъ вылечить и теперь.“

— „Но я совершенно неспособенъ для большихъ переходовъ“, замѣтилъ прикащикъ: „я всегда чувствую въ такихъ случаяхъ колотье въ бокахъ, боль въ груди и кашель.“

„Бѣдняжка!“ подтруниваетъ военный медикъ, ощущывая ему грудь.

— „Мнѣ уже часто говорили, что я страдаю чахоткой“, продолжаетъ прикащикъ, не подозревая, что докторъ смѣется надъ нимъ: „у меня всегда болѣзненный видъ?“

— „Любезный другъ! надо обращать менѣ вниманія на окраску зданія, а смотрѣть болѣе на то, чтобы оно было прочно выстроено“, замѣтилъ врачъ. „У васъ есть семейство?“

— Есть, родители и два брата.

— „Жены нѣтъ?“

— Нѣтъ, но я вскорѣ думаю жениться.

— „Въ такомъ случаѣ утѣшьтеся вмѣстѣ съ тѣми, которые оставляютъ женъ и дѣтей, и ступайте вмѣстѣ съ ними въ походъ.“

Озадаченный прикащикъ вытаращилъ глаза....

— Такъ я, значить, годенъ для службы?

— „Если бы всѣ были такъ годны какъ вы, то лазареты были бы почти пусты.“

— Но вѣдь я страдаю, кромѣ того, еще ревматизмомъ.

Докторъ молча растворилъ дверь и сказалъ: — „Унтеръ-офицеръ! отведите его обратно въ баталіонъ.“

„Что промахнулся!“ смѣялся бывший дворникъ.

Раздали квартирные билеты. Дворникъ и прикащикъ получили билетъ, въ числѣ другихъ 25 человекъ, на общую квартиру, гдѣ они должны были имѣть и пищу отъ хозяина.

— „Если вы хотите видѣть еще разъ нашего хозяина“, говоритъ послѣ обѣда дворникъ прикащику, „то пойдемте сегодня вечеромъ на станцію желѣзной дороги. Я слышалъ, что его нашли неспособнымъ и онъ сегодня, съ послѣднимъ поѣздомъ, возвращается домой.“

— „Какъ! Онъ найденъ неспособнымъ?“ Зависть шевельнулась въ душѣ прикащика.

Когда они вечеромъ пришли на станцію, поѣздъ былъ уже готовъ къ отправленію; купецъ сидѣлъ въ вагонѣ втораго класса и, весьма довольный собою, курилъ хорошую сигару.

„Какъ это вы такъ устроили?“ спросилъ недовольнымъ тономъ прикащикъ.

— Очень просто, любезный другъ. У меня, къ счастью, есть растяженіе жилы.

— „У васъ есть растяженіе жизни? Я объ этомъ никогда не слыхалъ....“

„Да развѣ вы воображаете, что я обязанъ звонить о моемъ растяженіи во всѣ колокола?“ отвѣчалъ купецъ. „Вы ступайте съ Богомъ въ походъ; вѣдь вамъ, пана, нечего терять; я передамъ поклонъ вашей невѣстѣ и помогу ей чѣмъ могу. Прощайте!“

Локомотивъ свиснулъ, повздъ тронулся. Вѣдний прикащикъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ своему хозяину; потомъ оба, прикащикъ и дворникъ, *рука объ руку* вернулись на квартиру.

На этомъ оканчивается разсказъ. Позвольте дополнить его замѣчаніемъ. Въ эту минуту прикащикъ, вѣроятно, опять стоитъ за прилавкомъ, но уже съ огромною медалью на груди и продаетъ, постарому, сахаръ и селедки; дворникъ опять подметаетъ улицу, не менѣе исправно и безпренословно бѣгаетъ, по приказанію прикащика, съ разными порученіями по городу, но у него на груди, вмѣстѣ такой же медали, вѣроятно, еще большой желтый крестъ. А купецъ сидитъ за конторкой надъ счетами и книгами, да слегка на обокъ покрививается, и все идетъ по стрункѣ, какъ-будто ничего особеннаго въ жизни троихъ не случилось.

О богатствѣ нѣмецкой военной литературы, особенно развившейся въ послѣдніе годы, когда прусскія войска, послѣ пятидесятилѣтняго мира, сдѣлали двѣ большія кампаніи, частію противъ нѣмецкихъ же войскъ, можно судить потому, что по май 1867 года было уже издано о войнахъ 1864 и 1866 годовъ, на одномъ нѣмецкомъ языкѣ, кромѣ переводовъ на другіе, около 105 сочиненій (*). исключительно военнаго содержания. Нынѣ, т. е. къ декабрю 1867 года, число это увеличилось почти до 200, что мнѣ извѣстно достоверно. А между тѣмъ прошло не болѣе 15 мѣсяцевъ со времени заключенія мира....

Нельзя не отдать справедливости арміи, которая съ такою любовію разработываетъ и описываетъ свои недавнія дѣйствія и подвиги. Разумѣется, извѣстная часть двухъ сотъ сочиненій

(*) Свиданія эти доставлены мнѣ книгопродавцемъ Митлеромъ, почти исключительно торгующимъ военными сочиненіями (въ Берлинѣ, Schloßfreiheit, 7.)

состоитъ изъ великихъ брошюръ и книжной спекуляціи, преимущественно разсчитанной на общій интересъ, проявившійся въ Германіи въ недавнихъ событіяхъ, и потому обвѣщающій хорошей сбытъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что большая половина напечатанныхъ книгъ составлена добросовѣстно, заключаетъ въ себѣ несомнѣнный интересъ и послужитъ драгоценнымъ матеріаломъ для серьезной исторіи недавнихъ войнъ.

О датско-нѣмецкой войнѣ 1864 года издано было, по май 1867 года, двадцать-два сочиненія, изъ которыхъ наиболѣе выдающіяся принадлежатъ извѣстному своею плодовитостію военному писателю Рюстову (*Deutsch-Dänischer Krieg von Rüstow*). Онъ, между прочимъ, надалъ и неудачное описаніе войны союзниковъ 1853—56 гг. противъ Россіи, неудачное потому, что автору, незнающему съ русскимъ языкомъ, пришлось руководствоваться французскими и англійскими источниками, а какаго безпристрастія можно ожидать отъ нашихъ противниковъ!... Кстати замѣчу, что объ этой войнѣ, какъ не коснувшейся Германіи, издано на нѣмецкомъ языкѣ не болѣе 8 или 9 сочиненій, между которыми, безспорно, первое мѣсто занимаетъ переводъ съ русскаго сочиненія генерала Тотлебена: „*Vertheidigung von Sebastopol*“.

Между сочиненіями о послѣдней войнѣ 1866 г. замѣчательнѣйшее обширный трудъ, предпринятый подъ главною редакцію генерала Мольтке, офицерами прусскаго генеральнаго штаба. „*Военный Сборникъ*“, вѣроятно, познакомитъ съ нимъ нашу публику. Менѣе обширный, но не лишенный достоинствъ и болѣе доступный, по цѣнѣ, трудъ есть „*Preussen's Feldzug 1866 vom militärischen Standpunkt*“, составленный редакторомъ журнала „*Militärische Blätter*“ фонъ-Глазенапомъ. Имъ же издана, безъ означенія имени автора, весьма интересная брошюра о кавалеріи, о которой я, какъ бывший кавалеристъ, сейчасъ поговорю подробнѣе. Брошюра „*Очеркъ войны въ Австріи 1866 года*“ (*), написанная инженернымъ полковникомъ англійской службы Кукомъ (Сooke), состоявшимъ при штабѣ прусской арміи во время войны, была принята, какъ въ оригиналѣ въ Англій, такъ и въ переводѣ въ Пруссіи, съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ, что доказывается двумя

(*) Eine englische Kritik über den Krieg in Böhmen. Skizze des Feldzuges in Oesterreich 1866 von A. C. Cooke. Berlin 1867.

изданыи ея въ короткое время. Переводившій это сочиненіе съ англійскаго языка на нѣмецкій, назвалъ его *англійскою критикою баварской войны*. Мнѣ кажется, было бы правильнѣе назвать его не критикою, а панегирикомъ пруссакамъ, хотя и вовсе не оспариваю, что похвалы эти вполне заслужены прусскою арміею и ея вождями. Брошюра написана весьма бойко, безъ лишннихъ подробностей рельефно очерчиваетъ главные моменты войны и дополняетъ ихъ мнѣніями автора объ ошибкахъ, сдѣланныхъ тою и другою стороною... Ошибки сказываются однако почти исключительно на сторонѣ австрійцевъ. Авторъ справедливо не приписываетъ всего успѣха войны главнымъ ружьямъ, какъ дѣлаютъ многие; онъ говоритъ, что результаты, достигнутые дѣйствіемъ этихъ ружей, не столько прямые, сколько косвенные, т. е. что ружья не столько убивали австрійцевъ, сколько деморализовали ихъ, особенно пѣхоту, которая, какъ выражается Кукъ, „была уже разбита подъ Кениггрецомъ еще не вступивъ въ сраженіе“. (*)

Брошюра фонъ-Глазенапа озаглавлена: „Мысли объ образованіи и употребленіи кавалеріи“ (**), и обращаетъ особенное вниманіе на участіе конницы въ войнѣ 1866 года. Фонъ Глазенапъ, хотя самъ кавалеристъ отлично знакомый съ своимъ ремесломъ, сознается однако, что кавалерія не занимаетъ нынѣ уже того мѣста между другими оружіями, которое занимала прежде, и приводитъ, въ подтвержденіе этой мысли, впрочемъ, не новой, фактъ, что дѣйствія кавалеріи не имѣли никакого вліянія на исходъ большихъ сраженій въ крымскую, итальянскую, датскую и баварскую войны, что главнокомандующими не было даже сдѣлано попытокъ рѣшать сраженія кавалеріею. Причиною этого факта, противъ котораго трудно спорить, авторъ выставляетъ, главнымъ образомъ, не столько усовершенствованное вооруженіе пѣхоты и артилеріи, какъ думаетъ большинство военныхъ писателей, сколько измѣненіе тактики этихъ войскъ, несравненно лучшее умѣніе ихъ пользоваться мѣстностію для защиты и нападенія, наконецъ, исчезновеніе.

(*) Читатели „Военнаго Сборника“ знакомы съ сочиненіемъ полковника Драгомирова: „Очерки австро-прусской войны 1866 г.“. Намъ достоверно извѣстно, что сочиненіе это принято въ Пруссіи съ большимъ сочувствіемъ и переведено на нѣмецкій языкъ. Ред.

(**) Gedanken über Verwendung und Ausbildung der Kavallerie mit besonderer Berücksichtigung des Feldzuges von 1866 von G. v. G. Berlin 1867.

въ западной Европѣ, открытыхъ полей, на которыхъ кавалерія могла бы дѣйствовать въ большихъ массахъ.

Въ подтвержденіе мысли о меньшемъ значеніи кавалеріи, въслѣдствіе усовершенствованія пѣхоты, авторъ приводитъ, что прусская и австрійская кавалерія, при одинаковыхъ условіяхъ и достоинствахъ, достигали однако совершенно различныхъ результатовъ въ 1866 году. Прусская конница вездѣ побѣждала австрійскую пѣхоту, недостаточно обученную, хуже вооруженную и неуверенную въ себя; австрійская же кавалерія вездѣ была разбиваема прусскою пѣхотою, отлично-вооруженною и стойкость которой доказывается тѣмъ, что она нерѣдко встрѣчала и опрокидывала австрійскую конницу, огнемъ своимъ, стоя въ развернутомъ фронтѣ, даже не свертываясь въ каре или кучки. Такимъ образомъ, вовсе не оспаривая пользы и необходимости кавалеріи, не оспаривая даже возможности блестящихъ кавалерійскихъ атакъ на пѣхоту вооруженную усовершенствованнымъ оружіемъ, если она не обладаетъ высшими нравственными качествами, авторъ проводитъ только мысль о меньшемъ значеніи конныхъ войскъ въ арміи, о несравненно меньшемъ числѣ случаевъ, представляемыхъ нѣмѣцкими войсками, гдѣ дѣйствія кавалеріи могутъ имѣть рѣшительное вліяніе на исходъ сраженія. Впрочемъ онъ не отвергаетъ, что, при благоприятномъ исходѣ, самые плоды сраженія могутъ быть собраны одною только конницею. Такъ онъ рисуетъ общую картину нѣмѣцкихъ (вмѣстѣ съ тѣмъ и будущихъ) большихъ сраженій въ Европѣ, имѣющихъ характеръ какъ бы многихъ отдѣльныхъ дѣйствій на одномъ полѣ между дивизіями, даже между отдѣльными полками, благодаря совершенно иному виду мѣстностей (все въ западной Европѣ), чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ.

„Бросимъ, на примѣръ, взглядъ на сраженіе при Кениггрецѣ“—говоритъ авторъ—„мѣстность котораго никакъ нельзя назвать болѣе неудобною для дѣйствій кавалеріи, чѣмъ мѣстность другихъ битвъ. Мы видимъ, на сторонѣ прусаковъ, кавалерійскій корпусъ въ 12 полковъ, стоящій близъ Садовой, который съ раннаго утра напрасно ожидалъ приказанія идти впередъ. Два прусскихъ принца распоряжаются здѣсь: одинъ главнокомандующій, другой начальникъ кавалеріи, оба истинные кавалеристы, на которыхъ всѣ всадники смотрятъ съ гордостью и довѣріемъ. Но часъ проходитъ за часомъ, а моментъ

удобней для дѣйствія конницы не приходится; даже пѣхота дерется въ дѣсу, не подвигаясь впередъ.

„Но вотъ потупаетъ въ дѣло наслѣдныи принцъ; ораженіе сосредоточивается въ исключительной борьбѣ около деревень Хлума и Липа, однако бой все еще въ рукахъ пѣхоты и артилеріи: кавалерія немощна противъ деревень и дѣсовъ. Наконецъ, когда разбитый непріятель очистилъ деревни, вся масса всадниковъ хлынула въ долину съ тѣмъ, чтобы обратить пораженныхъ въ бѣгство, непріятельская кавалерія тотчасъ была снята и послѣднее сопротивленіе австрійцевъ исчезло.

„Интереснымъ и вполне естественнымъ слѣдствіемъ нынѣшняго дѣла войны и нынѣшнихъ полей сраженій является то обстоятельство, что даже эта большая кавалерійская атака (называемая штрезелинкою, по имени близлежащей деревни), не составила одного цѣлаго. Разстоянія были слишкомъ большія, время коротко, мѣстность пересѣченная, требовавшая обходовъ, и потому полки бросались на непріятеля каждый самъ по себѣ, по мѣрѣ достиженія его, даже отдѣльными эскадронами.

„Съ другой, австрійской, стороны, Венедель располагаетъ пятью кавалерійскими дивизіями, изъ которыхъ обѣ легкія стоятъ на авангардѣ арміи. Въ резервъ остается огромная сила: 18 полковъ.

„Въ теченіе битвы, одна прусская пѣхотная дивизія врывается въ середину австрійской позиціи и овладѣваетъ ключемъ оной, деревню Хлумъ, изъ которой всѣ усилія непріятеля не могутъ ее выбить. Какую пользу принесли тогда эти 18 кавалерійскихъ полковъ и были ли они въ состояніи хоть чѣмъ нибудь содѣйствовать другому обороту дѣла? Нисколько. Нѣсколько эскадроновъ пожертвовали, правда, собою, порываясь пройти между деревнями Хлумомъ и Розберицемъ, но огромная масса кавалеріи была лишнею.

„При пѣхотной тактикѣ, существовавшей сто лѣтъ тому назадъ, подобный случай былъ невозможенъ.

„Нынѣшняя мѣстность (пересѣченная канавами, живыми изгородями, заборами, густо застроенная и проч.) и умѣнье пѣхоты пользоваться ею, вотъ опасѣйшіе и неустранимые враги кавалеріи“, въ смыслѣ вліянія ея дѣйствій на исходъ большихъ сраженій, обмѣновенно рѣшающихъ войну.

Затѣмъ авторъ, основываясь на опытѣ послѣднихъ войнъ и

перечисляя новыямы кавалерійскія дѣла, указываетъ на измѣненія и улучшения, которыя необходимо произвести въ организаціи прусской кавалеріи. Прусскую кавалерію, по мнѣнію его, портитъ большое число мало-обученныхъ солдатъ, постоянно въ ней находящихся, такъ какъ рекруты поступаютъ ежегодно въ службу только трехлѣтняя и люди послѣдствіемъ набора, при началѣ войны, обыкновенно недостаточно подготовлены. Ризенгапт предлагаетъ для прусской кавалеріи почти ту же реорганизацію, которая исполнена у насъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, именно: сформированіе отдельныхъ резервныхъ эскадроновъ, въ которые поступали бы молодыя лошади и рекруты для обученія, на одинъ годъ, а потомъ уже передавались бы въ дѣйствующіе полки. Къ сожалѣнію, объемъ статьи не дозволяетъ мнѣ подробно передать содержаніе всей, крайне интересовавшей меня, брошюры. Я долженъ закончить рѣчь обтней, сказавъ, что, поговоривъ о будущей дѣятельности кавалеріи, о необходимости непрерывнаго образованія легкой кавалеріи, авторъ подробно излагаетъ свои мысли объ обученіи, достоинствахъ и развитіи, которыя необходимы хорошему, соответствующимъ требованіямъ новаго времени, кавалерійскимъ офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ. „*Самостоятельность, умственное развитіе и легкость*, вотъ три качества“, — заключаетъ онъ — „необходимыя современному кавалерійцу“.

Сочиненіе, нашедшее обширный кругъ читателей, какъ менѣе специальное, и встрѣченное въ Германіи съ немалымъ сочувствіемъ, есть: „*Jena oder Waterloo?*“, о которомъ я упомянулъ вначалѣ. Оно написано популярно капитаномъ саксонской службы Трючлеромъ. Цѣль этой небольшой книги вышедшей въ началѣ 1867 года, въ самый разгаръ лютеибургскаго вопроса, когда война между Пруссіею и Франціею казалась весьма вѣроятною, есть сравненіе военныхъ силъ Северо-германскаго Союза съ силами Франціи, какъ самихъ по себѣ, такъ и по отношенію къ стратегическимъ путямъ и положенію обтнихъ странъ. Подробно, критически описавъ устройство и силы армій, авторъ воздерживается однако отъ всякихъ положительныхъ заключеній и предсказаній въ пользу той или другой страны. Національный духъ, пробужденный въ Германіи Наполеономъ I, который первый началъ переобразование местныхъ германскихъ государствъ въ болѣе крупныя, есть та живая сила Германіи, на которой авторъ основываетъ свои на

денди: „Будемъ мы бояться войны, тѣмъ политическихъ интригъ“—говоритъ онъ—„и если дѣло наше будетъ правое, то не намъ предстоитъ Иена, а имъ Ватерлоо.“

Прочитавъ мои похвалы прусакамъ, соотечественники, быть можетъ, спросятъ меня: какія же донятія существуютъ теперь въ Пруссіи объ насъ, русскихъ, о внутренней жизни нашего народа и войска, такъ много измѣнившейся въ послѣднія десять лѣтъ?

Здравое и вѣрное пониманіе Россіи мнѣ случалось слышать въ Пруссіи только разъ отъ стараго полковника, одинъ изъ товарищей котораго, еще въ тридцатыхъ годахъ, перешелъ въ русскую службу и долго переписывался съ нимъ. Большею же частью объ насъ и теперь судятъ такъ же безсмысленно, какъ десять—двадцать лѣтъ тому назадъ. Причиною тому, болѣе всего, польская заграничная пропаганда, которая сыплетъ ложью направо и налево. Но и нѣмецкіе писатели, неимѣющіе ничего общаго съ поляками, мало уступаютъ имъ въ изобрѣтательности, часто переходящей предѣлы даже... комическаго. Такъ, въ началѣ 1867 года, довольно извѣстный прусскій туристъ Гансъ Вахенгузенъ, бывшій и въ Крыму во время осады Севастополя, издалъ очеркъ нынѣшняго Парижа для отправляющихся на всемірную выставку (*). Описывая свою поѣздку туда, почтенный Гансъ Вахенгузенъ жалуется на дурныя бульоны, пахнушіе саломъ, которыми будто бы угощаютъ пассажировъ въ буфетахъ желѣзной дороги. Что тутъ, подумаешь, общаго съ Россіей, кромѣ, развѣ, такихъ же бульоновъ на нашихъ чугункахъ? А между тѣмъ авторъ приплетаешь сюда, буквально, такую исторію:

„Во мнѣ этотъ бульонъ“—говоритъ онъ—„всегда пробуждаетъ одно воспоминаніе изъ крымской войны.

„Турки забрали какъ-то въ плѣнъ нѣсколькихъ казаковъ. Чтобы сдѣлать имъ *благодѣяніе*, каждый изъ насъ взялъ нѣсколько небольшихъ салныхъ свѣчей, висѣвшихъ для освѣщенія палатокъ, и роздалъ ихъ казакамъ, которыя занялись варкою себѣ пищи. Съ жадностью бросились они на салныя свѣчи и стали до тѣхъ поръ мѣшать ими въ кипящей водѣ своего *самовара*, пока все сало на свѣчахъ не растаяло, потомъ

(*) Paris 1867. Weltausstellungen—Bilder von Hans Wachenhusen, стр. 3.

съ наслажденіемъ протягивали оставшіяся фитиль между зубами, дабы, Боже сохрани, не потерять прилипаго на немг сала“.

Такая дурацкая чепуха говорить сама за себя. Хорошо, что мы теперь мало интересуемъ мнѣніемъ разныхъ Гансовъ Вахенгузеновъ, и бодро идемъ впередъ, работаемъ для самихъ себя и для грядущихъ поколѣній.

И. Детловъ.

С.-Петербургъ.
Декабрь 1867.